

ГАНС МОРГЕНТАУ: РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Нина Антанович, Елена Достанко

В условиях формирования внешнеполитической концепции Республики Беларусь является целесообразным обратиться к изучению основных подходов в рамках теории международных отношений. Одним из таких подходов является реалистическая теория международной политики, представленная работами Райнгольда Найбура (Reinhold Niebuhr), Джорджа Кеннана (George F. Kennan), Генри Киссинджера (Henry Kissinger), Роберта Штрауса-Хупе (Robert Strausz-Hupe), а также классика реализма Ганса Моргентау (Hans J. Morgenthau). Обратимся непосредственно к изучению основных моментов работы Г. Моргентау "Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace".

Ганс Моргентау (1904—1980), профессор Чикагского университета, является основателем теории политического реализма в международных отношениях. Его книга "Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace" ("Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир") впервые была опубликована в 1948 г. и по праву стала классической в теории международных отношений. В этой книге нашли отражение существенные изменения, происшедшие на международной арене в 40—50-х гг. XX в. Крах Лиги Наций и развязывание Второй мировой, а затем "холодной войны" вызвали кризис идеалистического подхода к международным отношениям: стала очевидной иллюзорность попыток построить международный порядок, основанный лишь на универсальных ценностях и общих интересах государств. Не отрицая необходимости создания гармоничного, мирного международного порядка, Моргентау писал, что международные отношения далеки от идеальных, а международная политика может быть определена как "непрерывное усилие, направленное на сохранение и увеличение мощи своей собственной нации и ослабление мощи других наций" [1, 5].

Моргентау своей работой заложил основы детально разработанной теории международных отношений как самостоятельной научной отрасли. Основные положения теории политического реализма (о международной политике как борьбе за власть, о несовпадении национальных интересов государств и, следовательно, конфликтности международной среды) оказались актуальными и для политиков-практиков.

Итак, в своей знаменитой работе "Политические отношения между нациями" (либо "Политика международных отношений") Ганс Моргентау формулирует основные принципы политического реализма. Первоначально автор обосновывает мысль о том, что в основе международной политики (international politics) лежат законы политического поведения, корни которых следует искать в природе человека.

История политических идей, по мнению Моргентау, — это борьба двух точек зрения на природу человека, общества и политики. Представители одной верят в возможность рационального и одновременно ос-

нованного на моральных принципах политического порядка. Они верят в изначальную добродетель человеческой природы и возможность усовершенствования общества путем образования и реформ. Сторонники другой точки зрения — концепции политического реализма — считают, что мир несовершенен. Чтобы создать рационально обоснованный политический порядок, необходимо учитывать несовершенную природу человека. Для современного мира характерны конфликты интересов. Значит, принцип существования всех плюралистических обществ основан на балансе интересов, на системе сдержек и противовесов.

Первый принцип политического реализма связан с вероятностным характером политической деятельности в сфере международных отношений. Под политическим реализмом Г. Моргентау понимал такую политическую доктрину, которая основана на учете противоречивых сторон человеческой природы и признании ограниченных возможностей для построения справедливого и нравственного политического порядка. Политический реализм также основан на положении, что всякие действия по усовершенствованию общества — это разновидность рискованной деятельности.

Вторым принципом политического реализма является принцип национальных интересов, понимаемых в терминах власти и могущества. Концепция национального интереса позволяет рассматривать международную политику как сферу, относительно независимую от таких областей, как экономика, религия, этнические отношения. Моргентау отмечает, что без подобного теоретического допущения невозможно создать теорию политики [1, 5]. Далее он продолжает, что именно понятие интереса, трактуемого в терминах власти и могущества, дает возможность теоретического понимания международных отношений и международной политики.

Третий принцип политического реализма состоит в том, что политический реализм избавляет теорию международных отношений от двух заблуждений — исследования мотивов и намерений, лежащих в основе политических действий, а также изучения идеологических предпочтений субъектов международных отношений. Точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ошибочна. Внешнюю политику нельзя рассматривать через психологические феномены.

Изучение мотивов и намерений ведет к психологизму в исследовании. Моргентау отмечает, что исторический опыт показывает отсутствие четких однозначных корреляций между мотивами и реальными результатами внешнеполитической деятельности. "Добрые намерения" политических лидеров не являются гарантией ни моральности, ни эффективности проводимой внешней политики" [1, 6]. Для реального политического исследования релевантным является лишь анализ

реальных политических действий, а также того, насколько эти действия соответствуют декларируемым целям. Теория международных отношений должна ориентироваться на изучение таких качеств политиков, как интеллект, воля и действия, в отличие от абстрактных рассуждений о моральности и намерениях политической деятельности. Моргентау приводит несколько исторических примеров. По его мнению, Чемберлен более других премьер-министров Великобритании стремился к сохранению мира и стабильности, нежели заботился об упрочении собственной власти. Однако многие его просчеты способствовали началу Второй мировой войны. "Политика попустительства агрессору Чемберлена была основана на миролюбивых намерениях" [1, 6]. С другой стороны, мотивы сэра У. Черчилля во внешней политике были гораздо менее универсальными по масштабам и благородными, скорее, узко ориентированными на сохранение персональной власти. Однако достижения Черчилля во внешнеполитической сфере на несколько порядков превосходят достижения предшественника.

Таким образом, этика принимает во внимание нравственность мотивов человека, а политическую теорию должны интересовать ум, воля и практические действия политика.

Политический реализм в теории международных отношений также означает возможность избежать еще одного заблуждения — влияния мировоззренческих и идеологических представлений лидера на внешнюю политику. Моргентау писал: "Современные политики довольно часто приносят политическую целесообразность в жертву мировоззренческим и идеологическим симпатиям с целью получить народную поддержку своих действий" [1, 7]. В тех странах, где существует демократический контроль за действиями правительства, нельзя жертвовать политической рациональностью в угоду массовым эмоциям и демонстрации поддержки проводимой внешней политики.

Однако политический реализм не означает полного отказа от политических принципов и идеалов. Позиция политического реализма требует четкого разграничения между желаемым и действительным, оценки возможного в конкретных обстоятельствах времени и места. Следовательно, внешняя политика, по Моргентау, должна быть эмоционально нейтральной, объективной и рациональной.

Следует отметить, что Ганс Моргентау также стоял у истоков теории рационального выбора. Рационально ориентированная, продуманная внешняя политика выкристаллизовывается из политического опыта и исключает случайные отклонения. Рациональная внешняя политика нацелена на минимизацию риска и максимизацию выгоды, она подчинена правилам благоразумия и политического успеха.

Четвертый принцип политического реализма связан с динамическим пониманием национальных интересов. Моргентау писал: "Политический реализм полагает концепцию интереса, понимаемого в терминах власти, не как раз и навсегда установленную и неизменную, а как зависимую от ситуации" [1, 8]. Интересы меняются в зависимости от исторических условий. Здесь Моргентау ссылается на М. Вебера, который писал, что интересы (материальные и идеальные), а не идеи определяют тип социального действия. Различные виды интересов, определяющих политические действия, формируются в конкретный исторический период и в конкретном политическом и культурном контексте.

Интересы — это долгосрочные стандарты, по которым можно судить, оценивать политические решения и действия. Современные связи между интересами и национальным государством — это продукт истории и, следовательно, могут изменять свою конфигурацию. Здесь Моргентау задается вопросом: как может быть трансформирован современный мир? Связь между национальными интересами и их продуктом — государством — со временем может исчезнуть. Политический реализм не отрицает, что современное деление мира на национальные государства может быть заменено союзами государств или иными образованиями.

Согласно доктрине политического реализма универсальные общечеловеческие моральные принципы неприменимы для оценки действий государств. В духе М. Вебера Моргентау утверждает, что деятельность государства может быть основана лишь на этике ответственности, а не на этике убеждения. Он пишет: "Тогда как человек имеет моральное право жертвовать собой, государство не имеет права позволить моральному неодобрению либо посягательству на свободу встать на пути рационально обоснованного и просчитанного политического действия. Политическое действие должно быть основано на принципах выживания и самосохранения суверенного государства". Далее Моргентау продолжает: "Нет политической моральности без благоразумия" [1, 9]. С точки зрения реализма благоразумие означает учет последствий возможных альтернативных политических действий и является высшей добродетелью в политике. Политическая этика позволяет судить о действиях по их результатам, последствиям.

Политический реализм отвергает право какой-либо нации на создание универсального морального закона, который может быть принят всеми. Политический реализм отвергает тождество между моралью конкретной нации и универсальными моральными законами. Многие нации испытали подобное искушение — предложить их собственные цели, их волю в качестве универсальных принципов.

Моргентау отмечает, что существует большая разница между политическим реализмом и другими теоретическими школами. Политический реализм расходится с легалистским и моралистским подходами к международным отношениям. Моргентау приводит пример: в 1939 г. СССР напал на Финляндию. Акт агрессии был подвергнут критике со стороны Франции и Великобритании по двум позициям: 1) с точки зрения международного права; 2) с политических позиций.

1. При критике СССР с позиций международного права встал вопрос, действительно ли СССР действовал в нарушение конвенций, принятых Лигой Наций, и если да, то какие меры могут предпринять со своей стороны Великобритания и Франция.

2. При критике СССР с политических позиций встал вопрос, какие национальные интересы Франции и Великобритании были затронуты действиями СССР, как изменилась расстановка сил в Европе, насколько действия СССР повлияли на позицию Германии.

Англия и Франция как ведущие члены Лиги Наций оценили действия СССР как акт агрессии и выступили за исключение СССР из Лиги. Однако для них оказалась чрезвычайно выгодной нейтральная позиция Швеции для того, чтобы избежать вступления в войну против СССР. Как известно, правительство Швеции отказалось разрешить вступить на территорию своей страны любым иностранным войскам. Моргентау зак-

лючает, что данный пример, иллюстрирующий международную политику Франции и Великобритании, является классическим образцом легализма в международных отношениях, когда используются не столько политические механизмы, сколько механизмы права.

Другой конкретный исторический пример Моргентау использует для иллюстрации моралистского подхода в международных отношениях. Это пример международного признания коммунистического правительства в Китае. По мнению Моргентау, западные страны исходили из следующих вопросов: Соответствуют ли действия китайского правительства моральным принципам западного мира? Могут ли западные страны контактировать с таким правительством? В целом оказалось, что оба вопроса сводились к одному: как применить стандарты западного мышления и морали к восточной культуре. Политический вопрос был проигнорирован: не были проанализированы интересы и расклад сил, последствия политических решений о непризнании Китая для западных стран. Лидеры Запада проигнорировали политический аспект проблемы и предпочли ее рассматривать только с точки зрения морали.

Таким образом, политические реалисты защищают автономию политической сферы в оценке международных отношений, исходя при этом из плюралистической модели человека. Реальный человек — это "экономический человек", "моральный человек", "религиозный человек", "политический человек" и т. д. в единстве этих составляющих. Политические реалисты признают значимость других сфер общественной жизни, отличных от политики, но изучают их с точки зрения политики.

Следующий принцип в концепции Моргентау состоит в том, что международная политика рассматривается как борьба за власть. "Международная политика как борьба за власть" — это название большой главы в работе "Politics Among Nations". Большое внимание Моргентау уделяет вопросу: что такое власть в международных отношениях? Международная политика любого государства в структуре международных отношений всегда связана с борьбой за власть. Из этого положения Моргентау делает следующие выводы.

1. Не всякое действие государства на международной арене является политическим. Государства вступают в юридические, экономические, гуманитарные, культурные взаимоотношения.

2. Различные государства в различные исторические периоды неодинаковым образом вовлечены в международную политику. К примеру, Испания, являвшаяся в XVI—XVII вв. одним из основных претендентов на мировое господство и влияние, в настоящее время играет второстепенную роль в международных отношениях. Таким образом, отношение государств к участию в международной политике является динамической категорией, которая зависит от внутривнутриполитической ситуации в стране, от культурных трансформаций, позволяющих государству занять более выгодные позиции на международной арене [1, 26].

Как же Моргентау определяет понятие "власть"? "Под властью я понимаю различные формы контроля субъекта власти над действиями и идеями объектов власти". Далее он продолжает: "Политическая власть — это взаимные отношения контроля и подчинения между теми, кто обладает общественным авторитетом, и остальной частью общества" [1, 26]. Однако политическая власть отлична от *силы* в смысле прямого примене-

ния физического принуждения (*physical violence*). Угроза применения силы в форме действия органов внутренних сил, заключения под стражу, применения смертной казни либо начала войны — все это неотъемлемые черты внутренней политики любого государства (*politics*). Моргентау делает здесь существенное замечание: он проводит различие между политической и военной властью. Когда угроза насилия превращается в актуальность, это означает постепенный переход от политической власти к власти военной. В международных отношениях вооруженные силы и угроза их использования являются важнейшим материальным ресурсом, определяющим силу нации.

Рассматривая разграничение между политической и военной властью, Моргентау пишет: "Основная цель военных приготовлений — предостеречь другие нации от использования вооруженных сил. Политическая цель войны не простой захват территорий либо разгром вражеской армии, а влияние на сознание противника, подчинение умов и сердец побежденных воле победителя" [1, 28].

Г. Моргентау различает также экономическую политику саму по себе и экономическую политику как инструмент международной политики, когда экономические цели подчинены задачам контроля либо доминирования над другими нациями. Он считает, что подобное разграничение имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Таким образом, когда цели различных видов публичной политики (*public policy*) направлены на укрепление позиций государства на международной арене, на его доминирование над другими странами, можно говорить об их подчиненности внешней политике страны (*the political policy*). К вышеприведенному определению политической власти у Моргентау следует также добавить, что политическая власть — это психологическое отношение между теми, кто ею обладает, и теми, кто ей подчиняется. Власть — это контроль над деятельностью посредством господства над умами, над сознанием (*mind*).

Борьба за власть на международной арене является исторически преходящей и связана с существованием автократических правительств. Следовательно, борьба за власть может исчезнуть с исчезновением автократических правительств. Моргентау пишет, что основное убеждение XIX в. о природе международных отношений состоит в следующем: государства имеют выбор между международной политикой, основанной на силе, и другими видами международных отношений, не зависящих от воли к власти [1, 35]. Говоря о международных отношениях, основанных на борьбе за власть, Моргентау выделяет три их разновидности.

"Существуют три базовые модели (*basic patterns*) политики любого государства, как внутренней, так и внешней.

1. Политика, ориентированная на сохранение, консервацию власти — сохранение *Status Quo*.
2. Политика, ориентированная на накопление властных полномочий и возрастание власти.
3. Политика демонстрации силы. Эти три вида публичной политики следующим образом преломляются во внешней политике любого государства.

Первый тип внешней политики характерен для государств, которые в своей внешней политике стремятся к сохранению завоеванных позиций, сохранению *Status Quo*. Второй тип — империалистическая поли-

тика — характерен для государств, которые на международной арене стремятся к расширению своего влияния на новые регионы, стремятся изменить сложившийся баланс сил. Третий тип — политика престижа, ее проводят государства, которые в своей внешней политике склонны к демонстрации своей силы и мощи" [1, 35].

Рассмотрим более подробно выделенные Моргентау типы внешней политики. Политика сохранения Status Quo в международных отношениях ориентирована на поддержание сложившегося баланса сил. Моргентау проводит здесь аналогию с консервативной внутренней политикой. Главная черта этого типа внешней политики — поддержание тех мирных договоренностей, которые были заключены после последней "большой" войны в регионе. Пример: европейские международные отношения в период между 1815—1898 гг. стали следствием мирного договора 1815 г., которым закончились наполеоновские войны. Главной целью Священного союза (Holly Alliance), заключенного в 1815 г., было поддержание Status Quo.

Другой пример: мирные договоры 1919 г. между Россией и Германией закрепили баланс сил после Первой мировой войны.

Третий пример — доктрина Монро как стратегия внешней политики США. Президент Монро в ежегодном послании Конгрессу в декабре 1823 г. обрисовал два основных принципа внешней политики США:

1) независимость внешней политики США от позиции европейских государств;

2) противодействие со стороны США любым попыткам изменить сложившийся расклад мировых сил.

В 1933 г. Франклин Рузвельт дал следующую оценку доктрины Монро: эта доктрина была нацелена против перехвата контроля над территориями Западного полушария любыми не проамериканскими силами.

Второй тип внешней политики — политика империализма. Моргентау не дает собственного определения империализма и, по сути дела, использует марксистский подход. По мнению Моргентау, в конце XIX — начале XX в. наибольшее распространение получили теории экономической интерпретации международных отношений. Моргентау ссылается на Шумпетера, который признавал экономизм марксистской теории.

Моргентау выделил причины проведения империалистической политики на международной арене.

Когда государство находится в состоянии войны и переходит к заключительной ее стадии в роли победителя, его внешняя политика будет нацелена на изменение довоенных международных отношений. Даже война, которая победителем была начата как оборонительная, первоначально нацеленная на сохранение суверенитета страны и восстановление довоенных международных отношений, превращает внешнюю политику государства-победителя в империалистическую. Яркий пример трансформации империалистической политики — захватнические войны Германского империализма в период с 1935 г. до окончания Второй мировой войны. Отношения Status Quo, которые сложились в Европе после 1914 г., характеризовались балансом таких держав, как Австрия, Франция, Германия, Англия, Италия и Россия. Победа союзников во Второй мировой войне и последующие мирные договоры стали основой нового расклада сил и закрепления новых отношений Status Quo при возрастании империалистических тенденций со стороны Франции, считает Моргентау [1, 51].

Другая типичная возможность проведения империалистической политики — существование слабых государств или, как пишет Моргентау, "политически пустых пространств". Это ситуация, когда появляется возможность колониального империализма либо возникновения единых федеративных государств (при утрате суверенитета некоторыми нациями).

После рассмотрения типичных ситуаций, когда возможна империалистическая внешняя политика, Моргентау уделяет внимание изучению целей этой внешнеполитической ориентации. Первая цель — это мировое господство и доминирование. Вторая — гегемония в масштабах континента. Третья — локальное превосходство или региональное доминирование [1, 52]. Исторические примеры "неограниченного империализма" — экспансионистская политика Александра Македонского, Наполеона и Гитлера. Географически ограниченный империализм представлен внешней политикой европейских государств, стремящихся занять доминирующие позиции в Европе: Наполеон III, Людовик XIV. Американская внешняя политика XIX в. — попытки поставить Канаду и Мексику в зависимость — также являются примером континентального империализма. Примеры "регионального империализма" — внешняя политика монархических государств XVIII—XIX столетий: Фридрих Великий, Петр I Великий, Екатерина II. В XIX в. признанным мастером империалистической политики стал Бисмарк, который стремился к установлению германского превосходства в Центральной Европе. Традиционной целью российского империализма был контроль над Финляндией, Восточной Европой, Балканами, проливом Дарданеллы и Ираном.

Империалистическая внешняя политика основана на использовании трех методов: военного, экономического и культурного экспансионизма. Военный империализм — наиболее очевидная и древняя форма империализма — это вооруженный захват. "Великие преобразователи всех времен были также великими захватчиками", — писал Моргентау [1, 54].

Экономический империализм является рациональным методом завоевания власти, продуктом империалистической эпохи. Если государство не может захватить территорию (по различным причинам), то оно может попытаться установить влияние посредством контроля над теми, кто управляет территорией [1, 55]. Пример, приводимый Моргентау в данном случае, весьма показателен. Страны Центральной Америки являются суверенными государствами. Однако, несмотря на наличие всех атрибутов суверенитета, в реальности они таковыми не являются и почти полностью зависят от экспорта в США. Следовательно, эти государства не способны проводить внешнюю либо внутреннюю политику, которая была бы полностью независима от позиции США.

Природа экономического империализма, как непрямого и весьма эффективного метода завоевания доминирования над другими нациями, наиболее ярко очерчена в случаях столкновения двух крупных держав. Многовековое соперничество между Великобританией и Россией за влияние на Иран (Персию) — хороший тому пример. Обе страны пытались оказывать влияние на иранское правительство, будь то в вопросах нефтедобычи либо в сфере строительства дороги в Индию.

Культурный империализм Моргентау называет наиболее эффективной разновидностью из всех империалистических методов построения внешней полити-

ки, поскольку его целью является контроль над умами, над сознанием. Такой контроль, безусловно, является инструментом изменения властных отношений на международном уровне. "Методы культурного империализма позволяют одержать столь убедительную победу, что делают другие методы избыточными. Роль культурного империализма в современные времена важна в связи с возможностью подготовить почву для военного захвата либо экономического воздействия. Типичный пример использования этого метода — поддержка пятой колонны в государстве — субъекте воздействия" [1, 57].

По сути дела, Моргентау объединил культурное воздействие с идеологическим влиянием. Он писал: "Техника культурного империализма с наибольшим успехом использовалась тоталитаристами и стала эффективным политическим оружием посредством создания пятых колонн" [1, 58].

Яркий пример — операция нацистов по созданию пятой колонны в Австрии накануне Второй мировой войны. Как результат — в 1938 г. пронацистское правительство Австрии приветствовало германские войска. Успех использования этого метода был значительным также во Франции и Норвегии, где наиболее влиятельные граждане стали "Quislings", т. е. приняли нацистское мировоззрение. Другой пример культурного проникновения — деятельность Коминтерна.

Моргентау также пишет о роли религиозных конфессий во внешней политике. Типичный пример — империалистическая культурная политика христианской России, где царь являлся одновременно и главой государства, и главой Православной церкви, что позволяло через распространение православия воздействовать на зависимые и сопредельные государства. "Православие, — пишет Моргентау, — являлось орудием российской внешней политики" [1].

Орудием французского империализма стала *La mission civilisatrice*. Использование привлекательных качеств французской государственности — разновидность культурного империализма накануне Первой мировой войны.

Моргентау признает, что определение внешней политики какого-либо государства как империалистической сталкивается с рядом сложностей, связанных с факторами идеологической борьбы, а также нежеланием любого государства признать, что его внешняя политика может быть названа империалистической.

В качестве третьей модели внешней политики Моргентау выделил политику престижа (*policy of prestige*). Политика престижа — это третья разновидность внешней политики, основанной на силе. Внешняя политика престижа является рафинированной аристократической формой социального общения, используемой дипломатическим миром. Чаще всего политика престижа — это один из инструментов реализации либо политики *Status Quo*, либо империалистической политики. Здесь вновь проявляется тот факт, что внешняя и внутренняя политика государства — это лишь две стороны одного явления. В обеих сферах действует фактор стремления к социальному признанию, которое является стимулятором развития социально-политических отношений и институтов. "Отражение действий государства либо политика в "зеркале", каковым является общественное сознание, и есть престиж" [1, 68]. Престиж — это репутация, авторитет власти. Цель политики престижа — создание внешнеполитического имиджа, репутации государства — может быть реали-

зована посредством дипломатии либо демонстрации военной силы.

Оценивая значение дипломатии, Моргентау пишет, что уважение и почести, оказываемые дипломатам, отражают отношение к государствам, ими представленным. Он приводит пример, что в период вступления Теодора Рузвельта на президентский пост все дипломатические представители (лица) были приняты одновременно для вручения поздравлений президенту. Президент Тафт изменил этот порядок и приказал принимать послов и министров отдельно. Однако испанский посланник не был об этом проинформирован и 1 января 1910 г. явился на торжество в Белый Дом. Ему было отказано в приеме. Далее события развивались так: испанское правительство отозвало своего представителя и выразило протест США.

В 1946 г. в Париже на торжестве по поводу победы, министр иностранных дел СССР получил место во втором ряду, тогда как представители других мировых держав сидели в первом. В знак протеста он покинул церемонию.

На Потсдамской конференции в 1945 г. Черчилль, Сталин и Рузвельт долго не могли решить, кто войдет первым в зал заседаний. В конце концов они пришли к договоренности, что будут заходить в три разные двери одновременно. Эти три политических лидера символизировали роль мировых держав, ими представленных.

Другой стороной политики престижа является демонстрация военной силы. К примеру, на военные маневры часто приглашаются представители других государств для демонстрации им новейших военно-технических достижений и мощи государства. Крайней формой этой разновидности внешней политики является частичная или всеобщая мобилизация. Примеры: в 1914 г. вслед за мобилизацией армий в Австрии, Германии, Франции Россия также провела мобилизацию своих вооруженных сил.

Функции, которые выполняет политика престижа, произрастают из самой природы международных отношений, ведь внешняя политика любого государства всегда есть результат того, как она оценивается международным сообществом и отдельными странами. К примеру, внешняя политика США основана на оценке (*evaluation*) ее веса и значения в сравнении с внешней политикой других мировых держав и всех стран мирового сообщества. Функцией политики престижа является воздействие на подобные оценки, стремление их укрепить либо изменить. Например, США могут таким образом повлиять на страны Латинской Америки, что убедят их в том, что доминирование США в этом регионе непоколебимо. Следовательно, сохранение отношений *Status Quo* в Западном полушарии обеспечено престижем и мощью США.

На наш взгляд, весьма актуально звучит высказывание Моргентау о том, что политика престижа достигает своего апогея там, где удастся убедить нацию в том, что политика, проводимая государством, содействует повышению авторитета государства на международной арене.

Однако часто стремление к завоеванию международного престижа превращается в простой блеф. Моргентау и это свое положение подкрепляет историческим примером. В начале Второй мировой войны США по своему потенциалу были наиболее мощным государством на земле и открыто стали в оппозицию германскому и японскому империализму. Но США никогда не

демонстрировали своей военной мощи, поэтому Германия и Япония действовали так, как будто государство — мировой лидер (first-rate power) не существовало вовсе. Таким образом репутация, престиж США как государства, обладающего мощной военной машиной, были низкими в глазах Германии и Японии. Еще в 1934 г. Гитлер заявлял, что американцы — это не солдаты, что второсортность и упадок Нового Света наиболее очевидны в его военной несостоятельности. Агрессоры посчитали, что нападение на Перл Харбор станет для США предостережением от вступления в войну и, таким образом, США не смогут повлиять на результаты войны.

Моргентау продолжает, что СССР столкнулся со сходными проблемами, поскольку пренебрегал политической престижа. В период между двумя мировыми войнами международный авторитет СССР был чрезвычайно низок, несмотря на то, что и Франция, и Англия, и Германия стремились обезопасить себя поддержкой со стороны Советской России. Препградой для роста престижа была, конечно же, коммунистическая идеология. Военный престиж СССР достиг самой низкой точки после военной кампании 1939—1940 гг. в Финляндии, когда казалось, что эта маленькая страна может сдерживать напор советского гиганта [1, 78]. Именно недостаток авторитета, высокого престижа СССР в военной сфере, по мнению Моргентау, позволил фашистским генералам спланировать нападение на СССР.

Моргентау заключает, что стремление убедить весь мир в том, что государство обладает достаточным могуществом, престижем, авторитетом, является основной задачей мудрой, взвешенной политики престижа.

Итак, Моргентау в качестве базовых принципов политического реализма исходит:

1) из понимания вероятностного характера политической деятельности в сфере международных отношений;

2) выделения национальных интересов как основы внешней политики любого государства (понятие национальных интересов трактуется в терминах силы, могущества);

3) стремления избежать психологизма: объектом исследования теории международных отношений являются не намерения и мотивы государственных деятелей, а их реальные действия;

4) динамического понимания национальных интересов как зависимых от исторического периода, политического и культурного контекста;

5) принципа политического благоразумия и этики ответственности как основы моральной внешней политики;

6) определения международных отношений как борьбы за власть и влияние на международной арене.

Сторонники концепции политического реализма считают, что главной движущей силой в сфере международных отношений выступают национальные интересы, а сама эта сфера характеризуется "плюрализмом суверенитетов". Регулятором международной политики выступает сила и баланс сил.

В заключение статьи хотелось бы заметить, что читатель, возможно, согласится далеко не со всеми принципами политического реализма, провозглашенными Гансом Моргентау. Однако значение его работы "Politics Among Nations" и по сей день достаточно велико.

ЛИТЕРАТУРА

1. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
2. Nobel J.W. Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // Review of International Studies. 21(1). January, 1995. P. 61—86.
3. Thompson K., Myers R. J. Truth and Tragedy: A Tribute To Hans J. Morgenthau. New Brunswick and London, 1984.

SUMMARY

"Hans Morgenthau: a Realist Theory of International Policy" (Nina Antanovich, Elena Dostanko)

The article contributes to the study of the heritage of the outstanding politologist (geopolitician) Hans Morgenthau, a representative of the "realist" tradition in the theory of international relations. His monograph "Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace", published in 1948, has by right become a classic in the international relations theory. The topicality of the article is determined by the necessity to turn to the main approaches in international relations theory while shaping the foreign policy concept in Belarus. The "realist" theory of international policy, presented in the abovementioned book, is one of such approaches.

The authors of the article emphasize, that it was Morgenthau himself, who laid the foundations of elaborate theory of international relations as an academic field in its own right. The main propositions of the theory of political realism (international politics as a bid for power, conflicting national interests of states as a source of international conflicts) still remain relevant for practising politicians.

The article analyses the principles of political realism, the concept of political realism, the basic models of any state's policy and the concepts of political, cultural and economic imperialism, outlined in the «realist» theory of international relations by Morgenthau.